

Трое в лодке, не считая собаки

Автор:

[Джером Джером](#)

Трое в лодке, не считая собаки

Джером Клапка Джером

«Трое в лодке, не считая собаки» – повесть, которая является одним из лучших произведений великолепного драматурга и классика юмористической прозы Джерома Клапки Джерома. Это история странствований по Темзе трех английских джентльменов и пса по имени Монморанси, которые попадают на своем пути в самые забавные и курьезные ситуации. Особого шарма произведению придают ироничная манера повествования и оригинальный английский юмор. Повесть «Трое в лодке, не считая собаки» неоднократно экранизировалась отечественными и зарубежными киностудиями.

Джером К. Джером

Трое в лодке, не считая собаки

Предисловие

Главная красота этой книги заключается не столько в ее литературном слоге или в количестве и полноте содержащихся в ней сведений, сколько в ее простодушной правдивости. Страницы ее являются записью действительных событий. Оставалось только слегка расцветить их; но за это не взималось дополнительной платы. Джордж, Гаррис и Монморанси – не поэтические идеалы, но существа из плоти и крови, – в особенности Джордж, который весит около ста семидесяти фунтов. Другие сочинения могут превзойти это глубиной мысли и

знания человеческой природы; могут соперничать с ним оригинальностью и размерами; но в отношении безнадежной и неисправимой правдивости ничто из доныне открытого не в состоянии превзойти его. Более всех прочих его прелестей упомянутое свойство увеличит ценность этим рассказам в глазах вдумчивого читателя и придаст лишний вес уроку, преподанному им.

Лондон, август, 1889

I

Нас было четверо – Джордж, Вильям Сэмюел Гаррис, я и Монморанси. Мы сидели в моей комнате, покуривая и толкуя о том, как мы плохи, – разумеется, я хочу сказать, с медицинской точки зрения.

Все мы расклеились и серьезно этим озаботились. Гаррис объявил, что на него временами находят такие необычайные приступы головокружения, что он сам не знает, что делает; а потом Джордж сказал, что с ним случаются также припадки головокружения, и тогда он едва знает, что делает. Что до меня, у меня была не в порядке печень. Знал же я это потому, что только что прочел рекламу патентованных пилюль для печени, в которой описывались различные симптомы, помогающие человеку распознать, что его печень не в порядке. У меня имелись все до одного.

Странное дело, я не могу прочесть ни одного объявления о каком-нибудь новоизобретенном средстве от той или иной болезни, не убедившись в то же время, что я страдаю ею, и притом в самой злокачественной форме.

Я всегда нахожу у себя все ее признаки и симптомы.

Помню, как-то раз, чувствуя себя не совсем здоровым (кажется, это была простая лихорадка), я пошел в библиотеку Британского музея посмотреть в медицинском словаре, какими средствами нужно лечиться от лихорадки. Я

добыл книгу и вычитал все, что мне было нужно, затем, от нечего делать, начал перелистывать ее дальше, изучая разные болезни. Не припомню теперь, что первое попало мне на глаза, – знаю только, что это был какой-то страшный, губительный недуг, один из бичей человечества. Еще не дочитав до конца описи симптомов болезни, я уже убедился, что она гнездится в моем теле.

Оледенев от ужаса, я несколько минут сидел без движения, потом с горя начал перелистывать дальше. Напал на тифозную горячку, просмотрел симптомы и обнаружил, что я, несомненно, болен тифом, болен уже несколько месяцев, сам того не зная! Надо посмотреть, нет ли еще чего? Дошел до пляски святого Витта, – так и есть, и тут все признаки налицо. Это меня заинтересовало, и я решил узнать всю правду до конца. Прочел о перемежающейся лихорадке и узнал, что болен и ею, но острый период наступит только через две недели. Брайтова болезнь у меня была, но, к счастью, в измененной форме: с этим можно еще жить, и довольно долго. Зато холера оказалась у меня с тяжелыми осложнениями, а дифтерит, должно быть, у меня был врожденный. Словом, я добросовестно перебрал все болезни по алфавиту и пришел к заключению, что у меня нет только одной – хронической язвы голени!

Вначале я даже немного обиделся, точно мне оказали неуважение. Что за гнусность! Почему бы у меня не быть и хронической язвы голени? Почему она должна составлять исключение? Однако, поразмыслив немного, я успокоился. Ведь, кроме нее, у меня были все болезни, известные в медицине. Надо умерить свой эгоизм и как-нибудь обойтись без хронической язвы голени. Злостная подагра уже давно терзала меня, а я даже и не подозревал о ее присутствии. Это была последняя болезнь, описанная в лексиконе, так что и болеть мне больше было нечем.

Я сидел и раздумывал о том, какой я интересный субъект с медицинской точки зрения, и какой находкой был бы я для медицинского факультета. Студентам не пришлось бы бегать по госпиталям – я один стою целого госпиталя! Студентам достаточно было бы изучить одного меня, чтобы сдать экзамен и получить докторский диплом.

Далее я задался вопросом: много ли еще мне осталось жить? Я попробовал сам себя исследовать. Стал щупать пульс, но сначала не мог даже найти его. Потом пульс вдруг забился, и очень сильно. Я вынул часы, стал считать и насчитал 147 ударов в минуту. Попытался выслушать сердце, но и сердца не мог найти. Оно перестало биться.

В конце концов, я поневоле пришел к убеждению, что оно все время оставалось на месте и, следовательно, должно было биться. Но найти его я все же не мог, почему – объяснить не сумею. Я ощупал свою грудь, начиная с того места, которое я называю своей талией, и вплоть до головы, ощупал бока, даже закладывал руку за спину, – все напрасно! Я ничего не чувствовал и не слышал. Оставалось осмотреть язык. Я высунул его, насколько мог, закрыл один глаз и начал присматриваться другим. Виден был самый кончик. Из этого осмотра я вынес только одно: окончательное убеждение в том, что у меня скарлатина!

Я вошел в читальню здоровым, счастливым человеком, а вышел из нее, еле волоча ноги, дряхлой развалиной.

Я немедленно отправился к своему доктору. Мы с ним старые друзья. Когда мне кажется, что я болен, он щупает у меня пульс, смотрит язык, болтает о погоде и не берет денег; поэтому я решил, что мне, по всей справедливости, следует пойти к нему и теперь. Я говорил себе: «Что нужно доктору? Практика. Я дам ему практику. В смысле практики я стою сотни обыкновенных пациентов, у которых не бывает больше, чем по одной, по две болезни!»

Итак, я отправился прямо к нему. Прихожу. Он спрашивает:

– Ну-с, что с вами такое?

– Милый друг, – говорю я, – не хочу отнимать у вас золотого времени и потому не стану рассказывать, что со мной. Жизнь коротка, и вы можете умереть раньше, чем я кончу. Я лучше скажу вам, чем я не болен. Я не болен хронической язвой голени. Почему я ею не болен, – сказать не сумею, но факт остается фактом этой болезни у меня нет. Зато все остальное налицо.

И я рассказал ему, как я пришел к такому заключению.

Доктор велел мне расстегнуться, смерил меня взглядом, завладел моей рукой, стукнул меня по груди в такой момент, когда я этого вовсе не ожидал (по-моему, это низость), и сейчас же вслед за тем боднул меня головой в бок. Затем он сел, написал рецепт, сложил его и подал мне, а я, не читая, сунул его в карман и ушел.

Войдя в первую попавшуюся аптеку, я подал рецепт провизору. Он прочел и возвратил мне его обратно, говоря, что «этого они не держат».

– Как, разве здесь не аптека?

– Вот именно аптека! Будь у меня гостиница с рестораном, я мог бы помочь вам, а теперь – извините. Я – аптекарь, а не трактирщик!

Я развернул рецепт я прочел:

«1 порция бифштекса и 1 бутылка портеру каждые 6 часов. По утрам гулять не меньше двух часов.

Ложиться спать ровно в 11 и не забивать себе голову вещами, которых не понимаешь».

Я в точности исполнил предписание доктора, и результат получился блестящий, – для меня лично, – так как я до сих пор жив и не собираюсь пока умирать.

В данном случае, если мы возвратимся к рекламе пилюль для печени, симптомы, вне сомнения, оказывались налицо, причем главным из них было «общее нерасположение к работе какого бы то ни было рода».

Никаким языком не выразить, как я страдаю в этом отношении. Я был мучеником с самого раннего детства. В отрочестве едва ли я знал день отдыха от этой болезни. В то время не подозревали, что она происходит от печени. Наука медицины не достигла еще тогда теперешнего развития, и все сваливали на лень.

– Ах ты, скверный бесенок, – бывало, говорят мне, – поворачивайся-ка, потрудись-ка и ты за хлеб насущный! – не зная, разумеется, что я болен.

И пилюлями меня тогда не кормили, а кормили тумакими по голове. И, как это ни покажется странным, но эти тумакими нередко излечивали меня – по крайней мере, на время. Случалось, что единственный тумак по голове имел больше действия на мою печень и внушал мне больше нетерпения отправиться, не теряя

времени, и тут же проделать то, что требовалось сделать, чем целая коробка пилюль в настоящее время.

Знаете ли, это часто так бывает, – простые, старомодные средства иной раз оказываются действеннее целой аптеки.

Мы просидели так с полчаса, описывая друг другу свои болезни. Я объяснил Джорджу и Вильяму Гаррису, что я испытываю, когда встаю поутру; а Вильям Гаррис поведал нам, как себя чувствует, ложась в постель; что же касается Джорджа, он стоял на коврике перед камином и талантливо изображал в лицах, что с ним происходит по ночам.

Джордж воображает себя больным; но надо вам знать, что на самом деле у него никогда не бывает ничего серьезного.

В этот момент в дверь постучалась миссис Поппетс с вопросом, угодно ли нам ужинать. Мы печально улыбнулись друг другу и заметили, что придется попытаться что-нибудь проглотить. Гаррис сказал, что часто удается отдалить приступ болезни с помощью полного желудка. Тогда миссис Поппетс внесла поднос, и мы подсели к столу: слегка отведали ростбифа с луком и закусили тортом с ревенем.

Уж, верно, я был слаб в это время: отлично помню, что по прошествии первого получаса пища перестала меня интересовать – необычайное для меня состояние, – и я даже не стал есть сыра.

Исполнив этот долг, мы заново наполнили стаканы, зажгли трубки и возобновили прежний спор по вопросу о здоровье. Что такое именно с нами, ни один из нас сказать не умел; но все мнения сходились на том, что оно – чем бы оно ни было – вызвано переутомлением.

– Отдых – вот единственное, что нам нужно, – сказал Гаррис.

– Отдых и полная перемена обстановки, – поддакнул Джордж. – Чрезмерное напряжение мозга вызвало общую подавленность всей системы. Перемена впечатлений и отсутствие необходимости мышления восстановят духовное равновесие.

У Джорджа есть родственник, обыкновенно обозначаемый на податном листке студентом-медиком, благодаря чему он, естественно, усвоил способы выражения домашних врачей.

Я согласился с Джорджем и предложил разыскать какое-нибудь уединенное, старосветское местечко, вдали от безумствующей толпы, и промечтать солнечную неделку в его дремотных долинах. Какой-нибудь полузабытый уголок, запрятанный волшебницами вне доступа шумного света, – причудливое гнездо, прилепившееся к утесам времени, куда вздымающиеся валы девятнадцатого века будут доноситься слабыми и далекими звуками.

Гаррис сказал, что в таком месте, вероятно, будет скучно. Он объявил, что знает: я подразумеваю такое место, где все ложатся спать в восемь часов, ничего нельзя достать ни за какие деньги и приходится ходить за десять миль за табаком.

– Нет, – сказал Гаррис, – если хотите отдыха и перемены, ничто не превзойдет морской прогулки.

Я решительно восстал против морской прогулки. Морская прогулка хороша, когда у тебя два месяца впереди, но на одну неделю это грешно.

Отчаливаешь в понедельник, втемяшив себе в голову убеждение, что будешь наслаждаться. Пошлешь воздушные приветы оставшимся на берегу, запалишь самую громадную из своих трубок и примешься выступать по палубе, чувствуя себя капитаном Куком, сэром Фрэнсисом Дрейком и Христофором Колумбом в одно и то же время. Во вторник жалеешь, что поехал. В среду, четверг и пятницу призываешь смерть. В субботу становишься способным проглотить немного мясного бульона и сидеть на палубе и отвечать с бледной, нежной улыбкой, когда добрые люди спрашивают, как ты теперь себя чувствуешь. В воскресенье снова начинаешь разгуливать и есть твердую пищу. А в понедельник утром, когда стоишь у трапа с саквояжем и зонтиком в руке, дожидаясь высадки, тогда только и начинаешь находить удовольствие в морской прогулке.

Помнится, однажды мой свояк отправился в краткое морское путешествие для здоровья. Он взял билет от Лондона до Ливерпуля и обратно; когда же достиг Ливерпуля, единственным его желанием было продать свой обратный билет.

Говорят, его предлагали по всему городу с огромной скидкой, и спустили, в конце концов, за восемнадцать пенсов желчному с виду юноше, только что получившему от своих врачей совет пожить на берегу моря и побольше двигаться.

– Берег моря! – сказал мой свояк, любовно вкладывая ему в руку билет. – Да вам его тут хватит на целую жизнь, уж что касается движения, то вы сделаете больше движений, сидя на этом пароходе, чем проделали бы, кувыряясь на суше!

Сам он – мой свояк – возвратился поездом. Он объявил, что для него достаточно здорова и Северо-Западная железная дорога.

Другой мой знакомый пустился в недельное плавание вдоль по берегу, и перед отплытием буфетчик пришел спросить его, желает ли он платить за стол каждый раз отдельно или за все время сразу.

Буфетчик рекомендовал второй способ как наиболее дешевый. Он сказал, что возьмет с него за всю неделю всего только два фунта пять шиллингов. На завтрак подается рыба, затем что-нибудь жареное. Ленч бывает в час и состоит из четырех блюд. Обед в шесть часов – суп, рыба, закуска, ростбиф, птица, салат, сладкое, сыр и десерт. В заключение легкий мясной ужин в десять часов.

Мой приятель заключил, что изберет систему в два фунта пять шиллингов (он не дурак поесть), и так и сделал.

Ленч совпал с тем моментом, когда они только что оставили за собой Ширнесс. Он оказался не таким голодным, как ожидал, поэтому удовольствовался ломтиком отварного мяса и несколькими ягодами земляники со сливками. В течение дня он предавался долгим размышлениям, и то ему казалось, что он уже целые недели питается одним отварным мясом, то представлялось, что прошли годы с тех пор, как он ничего не брал в рот, кроме земляники со сливками.

И мясо и земляника со сливками также казались неудовлетворенными, чувствовалось, что им как-то не по себе.

В шесть часов пришли доложить, что обед готов. Известие не внушило ему восторга, но он чувствовал, что надо же отработать часть этих двух фунтов и

пяти шиллингов, поэтому стал цепляться за веревки и за что попало и спустился вниз. У подножия лестницы его встретил приятный запах лука и горячей ветчины, смешанный с ароматом жареной рыбы и овощей; затем с елейной улыбкой приблизился буфетчик и осведомился, что ему подать.

– Подайте меня вон отсюда, – был слабый ответ.

Тогда его живехонько вытащили на палубу, прислонили к перилам с подветренной стороны и оставили в покое.

Следующие четыре дня он вел простой и безгрешный образ жизни на тощих капитанских сухарях (я хочу сказать, что тощими были сухари, а не капитан) и содовой воде; но к субботе уже набрался форсу настолько, что разрешил себе жиденького чаю с гренком, а в понедельник заливался куриным бульоном. Во вторник он расстался с пароходом и с сожалением проводил его глазами, когда тот, пыхтя, отдалялся от пристани.

– Уходит себе, – сказал он, – уходит и уносит с собой на два фунта принадлежащей мне провизии, которой я не воспользовался.

По его словам, если бы ему накинули хоть один денек, он успел бы еще поквитаться с ними.

Итак, я восстал против морской прогулки. Не ради себя самого, как я пояснил им. Мне никогда не бывает дурно. Но я боялся за Джорджа. Джордж объявил, что нисколько не болел бы и даже наслаждался бы морем, но советует Гаррису и мне даже и не помышлять о том, ибо он уверен, что мы оба раскиснем. Гаррис возразил, что для него всегда было тайной, каким это образом люди ухитряются болеть на море; он подозревает, что они это проделывают нарочно из жеманства; сам же он много раз хотел заболеть, да не сумел.

Затем он стал рассказывать анекдоты о том, как переправлялся через Ла-Манш в такую бурную погоду, что приходилось привязывать пассажиров к койкам, и на всем пароходе только и осталось здоровых, что он и капитан.

В другой раз это были он и помощник штурмана, но всегда он и еще кто-нибудь. Если не он и еще кто-нибудь, то один он.

Странное дело, но никто никогда не бывает подвержен морской болезни на суше. На море же встречаешься с пропастью совсем больных людей – прямо-таки полными пароходами; но я ни разу еще не повстречал на суше человека, когда-либо испытавшего морскую болезнь. Куда прячутся тысячи тысяч подверженных ей людей, когда попадают на землю, остается для меня тайной.

Если большинство людей похожи на человека, однажды виданного мною на ярмутском пароходе, тогда мнимая загадка разрешается более чем легко. Помнится, мы только что отчалили от пристани Саутэнда, и он свесился с палубы под очень опасным наклоном. Я приблизился, чтобы попытаться спасти его.

– Эй вы! Отодвиньтесь-ка от борта, – сказал я, тряся его за плечо. – Вы свалитесь.

– Ох! Когда бы я только мог свалиться! – было единственным его ответом.

Так и пришлось его оставить.

Три недели спустя я встретился с ним в кофейне Батской гостиницы. Он рассказывал о своих путешествиях и с восторгом объяснял, как любит море.

– Хорошо ли переношу его? – отозвался он в ответ на завистливый вопрос скромного молодого человека. – Да признаюсь, что раз как-то я точно чувствовал себя не в своей тарелке. Было это у мыса Горн. На следующее утро корабль погиб.

Я сказал тогда:

– Не было ли вам однажды не по себе у Саутэндской пристани, когда вы мечтали свалиться за борт?

– Саутэндской пристани? – повторил он с видом недоумения.

– Ну-да, по пути в Ярмут, в пятницу, три недели назад.

– О-ах, да, – ответил он, оживляясь, – теперь припоминаю. Действительно, у меня в этот день разболелась голова. Из-за пикулей, знаете ли. Никогда еще я не

отведывал таких позорных пикулей на уважающем себя пароходе. Не пришлось ли вам их попробовать?

Что касается меня, я изобрел превосходный способ уберечься от морской болезни путем балансирования. Стоишь в центре палубы, и когда судно вздымается и ныряет, двигаешь телом с таким расчетом, чтобы оно всегда оставалось прямым. Когда поднимается передняя часть судна, наклоняешься вперед, пока не коснешься носом палубы; когда же поднимается задний его конец, отклоняешься назад. Все это отлично на час-два, но нельзя же балансировать в продолжение недели. Джордж предложил:

- Отправимся вверх по реке.

Там, по его словам, мы получим свежий воздух, движение и покой; постоянная смена картин займет наши умы (включая тот, что имеется у Гарриса), а мускульный труд снабдит нас аппетитом и хорошим сном.

Гаррис сказал, что считает нежелательным для Джорджа делать что бы то ни было, способное увеличить его сонливость: это может оказаться опасным. Он не вполне понимает, каким образом Джордж может спать больше, чем теперь, ввиду того, что в сутках как зимой, так и летом бывает не больше двадцати четырех часов; но если только он может ухитриться спать больше, то еще проще было бы умереть и сделать экономию на столе и квартире.

Тем не менее Гаррис объявил, что река – первое дело. Я также нашел, что река – первое дело, и Гаррис и я оба сказали, что мысль Джорджа удачна; и сказали мы это тоном, дававшим понять, что нас удивляет, как это Джордж мог показать себя таким рассудительным.

Один только Монморанси не был приятно поражен предложением. У него иногда сердце не лежало к реке.

- Вам, ребята, хорошо, – говорил он, – вам это нравится, а мне нет. Мне там делать нечего. Пейзажи не по моей части, курить я не курю. Если завидую крысу, вы не останавливаетесь; а случится мне заснуть, начнете дурачиться с лодкой и смахнете меня за борт. Если спрашиваете моего мнения, я считаю всю эту затею дурацким сумасбродством.

Как бы то ни было, нас было трое против одного, и предложение было принято.

II

Мы вытащили карты и принялись обсуждать планы.

Условились отправиться в следующую субботу из Кингстона. Мы с Гаррисом выберемся с утра и доставим лодку в Честер, где встретимся с Джорджем, которому не удастся освободиться из Сити раньше послеполуденных часов (Джордж спит в банке с десяти часов до четырех ежедневно, исключая субботы, когда его будят и выталкивают в два).

Будем ли мы ночевать на биваке или в гостиницах?

Джордж и я стояли за бивак. Это будет так вольно и дико, так патриархально.

Золотистое воспоминание о солнце медленно угасает в сердцах холодных, печальных облаков. Умолкнув, как пригорюнившиеся дети, птицы прекратили песни, и только жалобный клик водяной курочки и резкое карканье дергача нарушают благоговейное затишье на лоне вод, на котором умирающий день испускает последнее дыхание.

По обоим берегам из смутных лесов ползут призрачные рати ночи, серые тени, подкрадываясь неслышной поступью к мешкающему арьергарду света и подвигаясь незримиыми шагами над кивающей осокой и сквозь вздыхающие камыши; и ночь на мрачном своем престоле складывает темные крылья над меркнувшим миром и царит в безмолвии, заседаая в озаренном бледными звездами туманном чертоге.

Тогда мы заводим свою лодочку в тихий уголок, раскидывается палатка, готовится и съедается скромный ужин. Набиваются и зажигаются большие трубки, тихо и музыкально звучит отрадная беседа; а в промежутках играющая вокруг лодки река болтает о диковинных старых сказках и тайнах, тихо

напевает старую детскую песенку, которая звучит уже так много тысяч лет и будет звучать еще столько же, прежде чем ее голос огрубеет и состарится; а мы, научившиеся любить ее переменчивое лицо, мы, так часто прикидывавшие к ее мягкому лону, воображаем, что понимаем эту песенку, хотя и не могли бы пересказать простыми словами поведанную нам повесть.

Так мы сидим на ее берегу, в то время как луна, также ее любящая, склоняется поцеловать ее сестринским поцелуем и обвивает ее серебряными руками; а мы смотрим, как она течет, все лепеча, все напевая, навстречу властелину-морю, пока голоса наши не умолкнут и трубки не погаснут. И странные, полурадостные-полупечальные мысли овладевают нами, в сущности достаточно заурядными, будничными юношами, и нет охоты говорить. Наконец мы встаем со смехом, и, выколов догоревшие трубки, вымолвив «Доброй ночи», засыпаем под тихими большими звездами, убаюканные плещущей водой и шелестящими деревьями. И снится нам, что земля снова молода, – молода и нежна, какой была прежде, чем века забот и тревог избороздили ее прекрасный лик, прежде чем грехи и безумие ее детей состарили ее любящее сердце, – снова нежна, как в минувшие дни, когда, став впервые матерью, нянчила нас, детей своих, на собственной глубокой груди, прежде чем ухищрения размалеванной цивилизации выманили нас из ее любящих объятий, а ядовитые насмешки искусственности внушили нам стыд к простому житью, которое мы вели с ней, и простому величавому жилищу, в котором родилось человечество столько тысяч лет назад.

Гаррис заметил:

– А если пойдет дождь?

Вдохновить Гарриса нет никакой возможности. В Гаррисе нет поэзии – нет дикого стремления к недостижимому. Он никогда не плачет «сам не зная почему». Если глаза Гарриса наполняются слезами, можно держать пари, что он ел сырой лук или хватил с котлетой лишней горчицы.

Стоишь, например, вечером с Гаррисом на берегу моря и говоришь:

– Чу! Слышишь ли? То поют русалки, притаившись глубоко под колышущейся волной, или унылые духи отпевают белые тела, задержанные водорослями?

Гаррис возьмет тебя под руку и скажет:

– Знаю, в чем дело, старина, ты схватил простуду. Пойдем-ка со мной. Здесь, за углом, я знаю местечко, где можно выпить лучшего шотландского виски, которое тебе когда-либо приходилось отведать – не успеешь оглянуться, все как рукой снимет.

Гаррису всегда известно местечко за углом, где можно получить что-нибудь выдающееся из области напитков. Сдается мне, что если бы встретиться с Гаррисом в раю (допуская возможность подобного события), он бы немедленно приветствовал вас следующими словами:

– Так рад, что ты пришел, старина; я разыскал здесь, за углом, славное местечко, где можно получить действительно первоклассный нектар.

В настоящем случае, однако, касательно ночевки на открытом воздухе, его практический взгляд на вещи явился своевременным напоминанием. Бивак в дождливую погоду действительно мало приятен.

Вечер. Вы промокли до костей, а в лодке добрых два дюйма воды, и все вещи отсырели. Разыскиваете на берегу место, менее слякотное, чем остальные, причаливаете, выгружаете палатку, и двое из вас принимаются укреплять ее.

Палатка вымокла и отяжелела, и треплется по воздуху, и падает на вас, и липнет к вашей голове, и сводит вас с ума. Все это время не переставая льет дождь. Даже и в сухую погоду установить палатку дело нелегкое, в дождливую – это геркулесов труд. Вместо того чтобы вам помогать, вам представляется, что ваш товарищ просто валяет дурака. Только что установишь свою сторону чудеснейшим образом, как вдруг он что есть силы дернет со своего конца и сразу испортит все дело.

– Эй! что ты там вытворяешь? – кричите вы.

– Что ты вытворяешь? – огрызается он. – Отпусти, слышишь, отпусти!

– Не тяни, ты все портишь, тупоголовый осел! – ревете вы.

– Вовсе нет! – взвизгивает он. – Отпусти ты со своего конца.

– Говорю тебе, что у тебя все наыворот! – гремите вы, жалея, что не можете до него добраться, и так встряхиваете веревками, что все его кольца выскакивают из земли.

– Ах, он идиот негодный! – бормочет он про себя; затем следует яростное сотрясение, и ваша сторона палатки взлетает кверху. Вы бросаете молоток и отправляетесь вокруг палатки, с целью изложить ему свой взгляд на вещи; а он одновременно отправляется в том же направлении, дабы объяснить вам, что он о вас думает. Так вы и гоняетесь друг за другом, не переставая ругаться, пока палатка не свалится бесформенной грудой, и, увидев друг друга поверх ее развалин, вы с негодованием восклицаете в один голос:

– Ну, вот! Что я тебе говорил?

А третий человек, тот, что выкачивал воду из лодки, налил ее себе в рукав и последовательно ругался про себя в продолжение последних десяти минут, – осведомляется, в какую дурацкую игру вы играете и почему это окаянная палатка до сих пор еще не раскинута?

Наконец, так или иначе, она оказывается установленной, и вы выгружаете свои пожитки. Развести костер совершенно безнадежное дело, поэтому вы зажигаете спиртовку и льнете к ней. Первое место за ужином занимает дождевая вода. Хлеб на две трети состоит из дождевой воды, пирог изобилует ею, и варенье, масло, соль и кофе – все присоединились к ней, чтобы составить суп.

Пужинав, вы удостоверяетесь, что табак отсырел и курить нельзя. К счастью, у вас имеется про запас бутылка того добра, которое веселит душу и опьяняет, если отведать его в должном количестве, и благодаря ему в вас пробуждается достаточно интереса к жизни, чтобы захотелось лечь спать.

Но тут вам снится, что к вам на грудь внезапно уселся слон, что произошло извержение вулкана, повергшее вас на дно морское, в то время как слон продолжает спокойно спать у вас на груди. Вы просыпаетесь с представлением, что на самом деле случилось нечто ужасное. Первая ваша мысль – наступил конец света; затем вы рассуждаете, что это невозможно, что дело идет о ворах, убийцах или пожаре, и высказываете это мнение соответствующим образом.

Помощи, однако, никакой не следует, и вы знаете только одно, что вас молотят ногами тысячи людей и что вы задыхаетесь.

Притом становится очевидным, что страдаете не вы один. Чьи-то смутные крики доносятся из-под вашей постели. Решив во всяком случае дорого продать свою жизнь, вы боретесь с яростью, молотя направо и налево руками и ногами и не переставая вопить во все горло; и вот, наконец, что-то расступается, и ваша голова оказывается на свободе, на расстоянии двух футов вы смутно различаете полуодетого мужлана, собирающегося вас убить, и готовитесь к борьбе не на живот, а на смерть, как вдруг вас осеняет сознание, что это Джим.

- А? Это ты? - говорит он, признавая вас в ту же минуту.

- Да, - отвечаете вы, протирая глаза. - Что такое случилось?

- Опрокинуло негодную палатку, как мне сдается, - говорит он. - А где же Билл?

Тут вы оба возвышаете голос и взываете к «Биллу», и земля под вами качается, колышется, и слышанный вами раньше голос откликается из-под развалин:

- Уберетесь вы с моей головы или нет?

И наружу выкарабкивается Билл, грязный и помятый и вдобавок в неуместно задорном настроении, ибо он, очевидно, убежден, что все это было проделано нарочно.

Путру вы все трое без голоса благодаря схваченной ночью сильной простуде; кроме того, сварливо настроены и во время завтрака ругаетесь хриплым голосом между собой.

Поэтому мы решили, что будем устраивать стоянки в ясные ночи, а в сырую погоду, или же просто, когда нам заблагорассудится, ночевать в гостиницах, трактирах и харчевнях, как почтенные люди.

Монморанси встретил это решение с полным одобрением. Поэтическое уединение мало восхищает его. Ему подавай что-нибудь пошумнее, и чем вульгарнее, тем лучше. Глядя на Монморанси, вы подумали бы, что это ангел,

ниспосланный на землю, по неведомой человечеству причине, в виде маленького фокстерьера.

Наблюдающееся в Монморанси выражение: «О, как греховен сей мир и как бы я желал сделать его лучше и благороднее», не раз вызывало слезы на глазах набожных старичков и старушек.

Когда он впервые пришел жить на моем иждивении, я и не надеялся, что мне удастся надолго сохранить его.

Бывало, сижу и смотрю на него сверху вниз, в то время как он сидит на коврике и смотрит на меня снизу вверх, и думаю: «О, эта собака долго не проживет. Ее возьмут на небо в колеснице, вот что с ней случится».

Но после того, как я уплатил за дюжину задушенных им цыплят и вытащил его за шиворот, рычащего и дрыгающего лапами, из ста четырнадцати уличных драк, и созерцал мертвую кошку, предъявленную мне разъяренной особой женского пола, обозвавшей меня убийцей, и был вызван в суд живущим через дом человеком за то, что держу на свободе свирепого пса, продержавшего его в осаде два часа кряду в холодную ночь в его собственном сарае для инструментов, откуда он не смел показать носа, и узнал, что мой садовник выиграл без моего ведома тридцать шиллингов на пари благодаря его проворству в ловле крыс, – тогда я начал подозревать, что, быть может, Монморанси и пробудет еще немного на земле.

Околачиваться у конюшен, набрать стаю самых непопозволенных собак, каких только можно разыскать в целом городе, и повести их в поход по притонам, на бой с другими непопозволенными собаками, – вот как Монморанси понимает «жизнь», и вот почему, как я уже говорил, предложение, касающееся трактиров и постоянных дворов, заслужило самое недвусмысленное его одобрение.

Разрешив таким образом вопрос о ночевках к удовлетворению всех четырех, нам оставалось обсудить, что мы возьмем с собой; и только мы начали это обсуждение, как Гаррис заявил, что с него достаточно разглагольствований на один вечер, и предложил пойти проветриться, так как он разыскал местечко за углом, около сквера, где можно получить каплю действительно недурной ирландской водки.

Джордж сказал, что хочет пить (я не помню случая, когда бы Джорджу не хотелось пить); ввиду же имевшегося у меня предчувствия, что немножко горячего виски с ломтиком лимона принесет пользу моей болезни, прения были единодушно отсрочены до следующего вечера, и собрание надело шляпы и разошлось.

III

Итак, на следующий вечер мы снова собрались для обсуждения и утверждения планов. Гаррис сказал:

– Ну, первым делом надо решить, что брать с собой. Ты, Джей, достань лист бумаги и записывай, а ты, Джордж, раздобудь прейскуронт бакалейной лавки. Дайте кто-нибудь карандаш, я составлю список.

Как это похоже на Гарриса, – вечно готов взять все тяготы и переложить их на чужие плечи!

Он всегда напоминает мне покойного дядю Поджера. Вы никогда в жизни не видели такого столпотворения в доме, как когда мой дядюшка Поджер брался сделать какое-нибудь дело. Бывало, принесут из рамочного заведения картину, и она стоит в столовой, дожидаясь, чтобы ее повесили, и тетюшка Поджер спросит, что с ней делать, а дядюшка Поджер ответит:

– О, предоставьте это мне. Пусть никто из вас о ней не беспокоится. Я все сделаю сам.

Тут он снимет сюртук и начнет. Пошлет горничную купить на шесть пенсов гвоздей, потом одного из мальчиков следом за ней сказать, какого размера нужны гвозди; затем, продолжая в том же духе, постепенно перебудоражит весь дом.

– Ну, Билл, – зовет он, – ступай принеси мне молоток, а ты раздобудь мне линейку, Том; да, мне еще понадобится лестничка, да не худо бы также иметь кухонный стул под рукой; а еще, Джим, добеги до мистера Гоглза и скажи: «Папаша кланяется и надеется, что вашей ноге лучше, и не можете ли вы дать ему займы ваш ватерпас?» А ты, Мэри, не уходи, потому что кому-нибудь надо мне посветить; а когда горничная вернется, пускай сходит за веревкой; а Том, – где же Том? Том, ты ступай сюда; ты мне понадобишься, чтобы подать картину.

Тут он поднимет картину, и уронит ее, и картина выскочит из рамы, и он попытается спасти стекло, и порежется; затем начнет метаться по комнате в поисках носового платка. Платка он не может найти, потому что платок остался в кармане снятого им сюртука, а он не знает, куда положил сюртук, и весь дом бросает раздобывать инструменты и принимается искать ему сюртук, а он суетится вокруг и мешает им.

– Неужели никто в целом доме не знает, где мой сюртук? Никогда в жизни не видал такой компании – честное слово, не видал. Шестеро человек! – и не можете найти сюртук, который я скинул не дальше, как пять минут назад! Однако же, признаюсь, из всех...

Тут он встанет и увидит, что сидел на своем сюртуке, и закричит:

– Можете бросить! Я сам уже его нашел. Скорее можно поручить кошке разыскать что-нибудь, чем рассчитывать, что один из вас найдет что бы то ни было.

Когда же пройдет полчаса на перевязку пальца, и достанут новое стекло, и принесут инструменты, лестницу, стул и свечу, он начинает сызнава, между тем как все семейство, включая горничную и судомойку, стоит полукругом наготове для оказания ему помощи. Двоим приходится держать стул, третий помогает ему влезть на него и поддерживает его в равновесии, четвертый подает ему гвоздь, пятый протягивает молоток, а он тогда берет гвоздь и роняет его.

– Ну вот! – говорит он оскорбленным тоном. – Теперь гвоздь упал. И всем нам приходится ползать на четвереньках и разыскивать гвоздь, в то время как он стоит на стуле, и ворчит, и желает узнать, намерены ли его продержать тут целый вечер.

Гвоздь, в конце концов, отыскивается, но к этому времени он потерял молоток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/dzherom-dzherom/troe-v-lodke-ne-schitaya-sobaki>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)